

ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАБЕЛИН.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(1820—1908)

Л. РУБИНШТЕЙН

Иван Егорович Забелин — яркий и своеобразный деятель русской исторической науки, представляющий особый интерес для русской историографии. Значение его связано с многообразием научной тематики его начинаний: они охватывают период от древнейших времен и их археологического изучения до истории Москвы XIX в. («Кунцево и Сетунский стан»), историю домашнего и хозяйственного быта русского народа крепостной вотчины, общую «Историю русской жизни» и «Историю Москвы», важные стороны Смутного времени и общие вопросы русской исторической науки. Научная биография Забелина развивалась на протяжении длительного времени: ровесник Соловьева, он начал научный труд в 40-е годы, в период окончательного оформления и подъема буржуазной исторической науки в России, и закончил ее в 1908 г., почти одновременно с Ключевским, в период глубокого кризиса буржуазной науки в эпоху империализма. Долгий путь Забелина-историка не мог не отразить в себе общей закономерности развития буржуазной исторической науки.

Возможно, что особенности его научной эволюции нашли свое отражение и в историографической оценке Забелина. В 50—60-е годы XIX в. Забелин — активный участник научных дискуссий, автор теоретических историографических статей, привлекающих к себе общественное внимание; его труды вызвали сочувственные отклики печати. Появившаяся в 1892 г. в связи с 50-летием его учено-литературной деятельности статья В. Якушкина еще поминала о теоретических выступлениях Забелина по общим вопросам исторической науки и в свете этих общих вопросов рассматривала его труды¹. Впрочем, уже и к этому времени заметно сказалось в судьбе и оценках Забелина-историка несколько обособленное его положение в русской исторической науке. Оно обусловлено было и своеобразием тематики работ Забелина,

¹ В. Якушкин, Иван Егорович Забелин. «Русский художественный архив», 1892, вып. 2.

и также отношением к нему профессоров Московского университета — Соловьева, Дмитриева и др.; показательно, что он не был привлечен к профессорской деятельности в городе, где протекала вся его жизнь, в городе, для изучения истории которого он сделал так много. Даже докторскую степень получил он не от Московского, а от Киевского университета, по представлению Иконникова и Антоновича; сам Забелин отмечал в одной из своих записей это отношение к нему, как к «самоучке» и «недоучке».² Чем дальше, тем меньше отмечается историографией научная деятельность Забелина. В начале XX в. о ней больше вспоминали археологи³. В эти годы Забелина помнили только как чудаковатого собирателя, историка Москвы и «бытописателя» Московской Руси. Такое представление выражено в отзыве Л. Н. Толстого о Забелине, записанном М. Горьким и относящимся к 1901—1902 гг.: «Очень — милый. Подъячий такой. Старьевщик-любитель, собирает все, что нужно и не нужно. Еду описывает так, точно сам никогда не ел досыта. Но — очень, очень забавный»⁴. Таким, действительно, иным читателям нередко представлялся Забелин — автор «Домашнего быта русских царей и цариц».

Эта историографическая оценка, становящаяся традицией, нуждается в серьезной проверке и пересмотре на основе всей большой научной работы Забелина, в свете его многообразных научно-теоретических изысканий. Напряженность теоретических мысли Забелина нашла частичное отражение в его статьях конца 50-х и особенно начала 60-х годов, собранных в свое время в двух томах «Опытов»⁵. Острота настоячивых размышлений Забелина по вопросам истории особенно выступает в его записных тетрадях-дневниках и разных исторических заметках, хранящихся в его личном архиве в отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Дневники 50—60-х годов отражают повседневность этих вопросов, занимавших Забелина. В заметках эти же вопросы передумывались им в связи с конкретными научно-литературными планами⁶. Забелин не только много и напряженно думал, он систематически и обстоятельно записывал свои размышления. Нередко можно проследить, как из дневников и заметок отдельные вопросы переходили затем в те или иные печатные работы Забелина. В свете этого рукописного наследства отчетливее вырисовывается научное лицо Забелина-историка, а вместе с тем возникает возможность более отчетливого представления о направлениях в русской историографии особенно 60—70-х годов XIX в.

В настоящей статье мы пытаемся восстановить путь Забелина в науке в связи с его общественной и научно-литературной биографией. Отчетливо обозначаются три основных периода в научной деятельности Забелина:

- 1) 1840—1850-е годы — период формирования его научных взглядов;
- 2) 1860—1870-е годы — оформление научно-исторического мировоззрения Забелина и расцвет его научной деятельности;
- 3) с 1880-х годов — период кризиса⁷.

* * *

В историческую науку И. Е. Забелин пришел необычным путем. Сын бедного чиновника, рано потерявший отца, он воспитывался с 1832 г. в школе при сиротском

² ГИМ. Отдел письменных источников. Фонд Забелина, д. 5, л. 312. Далее указываются только фонд, номера дел и листов.

³ См. Д. Н. Анучин, И. Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842—1876). Речь, произнесенная 10.II 1909 г. в связи со смертью Забелина. «Древности» (Труды Московского археологического общества), 1909, т. 22, вып. 2; перензвано (с сокращениями) в сб. «Д. Н. Анучин о людях русской науки и культуры», М., 1950.

⁴ М. Горький. Избр. соч. в 2-х томах, 2-е изд., т. II, М., 1936, стр. 614.

⁵ И. Е. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, ч. I—II. М., 1872—1873.

⁶ Нами особенно широко использованы из фонда Забелина дела № 5, 6, 7, 8, 9 (в основном дневниковые записи) и № 2, 3, 219, 226, 233, 260, 269, 270 (заметки), частично привлечены письма Забелина, № 74, 221 и др.

⁷ Творчество Забелина не нашло должного отражения в моей книге «Русская историография» (1941). Здесь сказалось сведение историографического развития к небольшому кругу основных представителей академической науки и известный отрыв научного развития от общественного движения, вскрытые, наряду с другими серьезными недостатками этой книги, на Всесоюзном совещании историков в марте 1948 г. См. «Вопросы истории», 1948, № 6.

доме и в 1837 г., не получив даже законченного гимназического образования, 17-ти лет был определен канцеляристом в Оружейную палату.

Однако в Оружейную палату молодого Забелина привели уже определившиеся у него к этому времени исторические интересы. Об этом говорят сохранившиеся учебные записки Забелина, свидетельствующие о настойчивой, систематической работе по истории⁸. В автобиографических заметках для «Иллюстрированного календаря» Пругавина (1886 г.) Забелин отметил литературные источники своих исторических интересов — «Историю Государства Российского» Карамзина, «Биографии» Плутарха, исторические романы Вельтмана и др., показавшие, «что ни в чем так хорошо не выражается дух времени, как в подробностях частной жизни»⁹. Интересно отметить, что на такую роль литературных источников в связи с историческими романами Вальтер Скотта указывал Белинский в рецензии на «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений» Смарагдова в 1844 г.¹⁰

Работа в Оружейной палате имела для Забелина двойное значение: несложная по своему характеру, она оставляла ему необходимый досуг. Молодой канцелярист использовал его для дальнейшего самообразования: он много читал, посещал некоторые лекционные курсы (в частности Грановского), хотя и не имел возможности получить законченное университетское образование. Вместе с тем работа в Оружейной палате открывала Забелину доступ к ее богатейшим материалам, непосредственно относящимся к тем же занимавшим его вопросам домашнего быта, материальной культуры. Эти же соображения определяют его переход в 1848 г. в Дворцовую контору, все еще на весьма невысокую должность помощника архивариуса, которую он лишь в 1859 г. сумеет сменить на научную службу в Археологической комиссии, по-прежнему, однако, все в скромной роли «младшего члена», хотя к этому времени Забелин был уже автором многочисленных научных статей.

Скромное положение канцеляриста ставило его в первое время в зависимость от признанных авторов — И. М. Снегирева, П. М. Строева, для которых он подбирал материалы в архиве Оружейной палаты.

Однако в начале 1840-х годов он осознает собственные силы и возможности — начинает беречь особенно интересные документы, «которые очень пригодятся со временем мне самому»¹¹. Уже в 1842 г. Строев констатировал научную подготовленность молодого Забелина и рекомендовал его для работы в Археологической комиссии. В том же году появилась в «Московских губернских ведомостях» первая печатная работа Забелина — статья «Богомольные путешествия царей в Троице-Сергиев монастырь, называемые Троицкими походами» (или просто «Троицкие походы») ¹². Позже она перепечатывается в значительно расширенном виде в «Московских ведомостях» (1846 г., № 46, 47, 48). Редактором их в то время был Е. Ф. Корш, с которым у Забелина устанавливаются простые отношения и через которого он мог тогда же войти в соприкосновение с кругом Грановского. Вместе с тем это первая из серии статей, начинающих время от времени появляться в печати с 1846 г. и положивших основу первому капитальному труду Забелина «Домашний быт русских царей» ¹³.

Уже этот начальный период отмечен также выступлениями принципиального характера. В 1843 г. Забелин выступил с критикой книги А. Ф. Вельтмана «Достопамятности Московского Кремля» ¹⁴. Вельтман тогда был признанным писателем и помощ-

⁸ Фонд Забелина, д. 2, в частности лл. 63—143; д. 3, особ. лл. 507—539.

⁹ Там же, д. 219, лл. 6 и 7; А. С. Пругавин. Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г., М., 1887, стр. 229.

¹⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1955, стр. 281. Белинский писал о В. Скотте как авторе превосходных романов, спешествующих «развитию истинного взгляда на историю», авторе, понявшем, что нельзя смотреть на историю только «как на военную и дипломатическую хронику», что «история нравов», «обновления нравов через обновление поколений» также заслуживает внимания науки истории, что «историческая и частная жизнь людей так перемешаны и слиты между собою, как праздники с буднями». «Вот почему Гизо называл Вальтера Скотта своим учителем в истории», — заключал Белинский. Искание «духа времени», по словам Забелина, «в подробностях частной жизни», заметно перекликается с мыслями Белинского. (Примечание.— С. Д.)

¹¹ Фонд Забелина, д. 5, л. 10.

¹² «Московские губернские ведомости», 25 апреля 1842 г.

¹³ «Некоторые придворные обряды и обычаи царей Московских», «Московские ведомости», 1846, № 46, 47, 48, 155; «Домашний быт русских царей», там же, 1847, № 13—14, 36—37, 53—54 и 147—150.

¹⁴ «Москвитянин», 1843, № 11.

ником директора Оружейной палаты; может быть, именно последнее обстоятельство заставило Забелина, молодого подчиненного критикуемого автора, скрыться под псевдонимом («Меланхлен»). В разрез с хвалебными отзывами руководителей «Москвитянина» — Погодина и Шевырева, он обвинял автора в том, что в его книге отсутствует подлинная история Москвы, которая должна стоять в органической связи с общей историей России. В этих мыслях впервые наметилась установка Забелина по этой важной проблеме. В 1846 г. Забелин выступил по вопросу о датировке предполагаемого празднования семисотлетия Москвы¹⁵. Так обозначилась и вторая тема будущих исследований Забелина — история Москвы.

В дальнейшем тематика исследований Забелина быстро расширяется. В статьях 50-х годов окончательно оформилась общая тема его работы — «Домашний быт русских царей», первый том которой вышел в 1862 г. Рядом с этим наметился широкий народно-бытовой план истории Москвы, особенно в двух статьях «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII в.»¹⁶. Здесь же обозначается, хотя и в своеобразной форме, его обращение к вопросам экономической истории. Специальные работы «О металлическом производстве в России» (1851 г.) и «История финифтяного дела в России» открывают особую тему истории материальной культуры — историю производства, включая вопросы самой организации производства, его техники, историю мастеров и их быта; наконец — характеристику предметов производства и их бытового распространения.

С 1850 г. Забелин стал постоянным сотрудником «Отечественных записок», где появились его специальные статьи и рецензии. Одновременно он печатался в «Современнике», в «Архиве историко-юридических сведений о России» Н. В. Калачова, в «Москвитянине» и других органах.

К концу этого периода Забелин выступил в печати со статьями принципиального характера, ставящими некоторые методологические вопросы и проблемы общего понимания русской истории. В статье «Математический метод в истории»¹⁷ Забелин выступил против методологии Погодина, а статья «Женщина по понятиям старинных книжников»¹⁸ касалась большой проблемы общинно-родового строя древней Руси несомненно в связи с острым в 50—60-х гг. XIX в. женским вопросом.

Уже эти бегло намеченные обстоятельства начала научно-литературного труда Забелина показывают несостоятельность упрощенного взгляда на Забелина как на простого собирателя и регистратора частных бытовых фактов, направляемого самим источником, с которым он случайно пришел в соприкосновение и за которым будто бы слепо следует. Перед нами историк с определенной научной индивидуальностью, со своей научной программой и взглядами.

Самое обращение к истории быта как к центральной теме исследования стоит в несомненной связи с романтической историографией 40-х годов, отразившейся в теориях славянофильства и в практике собирания материалов по истории народного быта (Киреевский, Снегирев, Даль, Сахаров, Терещенко и др.). Но у Забелина это влияние сталкивается с другими течениями, и отсюда его попытки решить эти вопросы иначе, по-своему. В связи с этим симптоматична его полемика со славянофилами, начинающаяся уже в 1847 г. выступлением в «Московских ведомостях» против К. С. Аксакова.

В оформлении взглядов Забелина значительная роль принадлежит, по-видимому, кружку Грановского, куда Забелин вошел уже в середине 40-х годов; он слушает специальный курс лекций, читавшийся Грановским у себя на дому, и сохраняет определенную близость с ним до конца его жизни. Здесь устанавливаются его тесные дружеские отношения с либеральным кружком западников — Коршами, Кавелиным, Кетчером, Ал. Вас. Станкевичем (популярным писателем 60-х годов и автором книги о Грановском) и др., отношения, определяющие основную научно-общественную линию развития Забелина.

Но наряду с этим обозначаются другие, более радикальные влияния.

Под 1855 г. Забелин вносит в дневник следующую заметку: «Изложить подробно весь процесс моего развития — как органическое существование. Указать, как оно

¹⁵ «Московские ведомости», 1846, № 56.

¹⁶ Первая статья напечатана в марте 1852 г. в «Современнике», вторая — в «Московских ведомостях», 1860, № 32; перепечатана в «Опытах», ч. II.

¹⁷ «Атеней», май 1858; «Опыты», ч. II.

¹⁸ «Русский вестник», май 1857 г.; «Опыты», ч. I, стр. 129—178.

шло — вырастало от каких предметов. Старые книги. Студенческие беседы. Белинский. Философские стремления, как удовлетворялись»¹⁹. Упоминание о философских стремлениях разъясняется, может быть, позднейшей записью от июля 1861 г.: «Р[усскую] историю обозреть бы так же, как сущ[ность] религ[ии] Фейер[баха], т. е. сущность русс[кой] истории, ибо каждая вещь имеет свою сущность»²⁰.

Запись в дневнике под 1853 г. говорит о знакомстве Забелина со взглядами Л. Фейербаха: «Религия — продукт известной территории и того народа, который живет под влиянием этой территории... религия есть собственно воззрение на природу. Какова природа, таково и воззрение, оно в полной зависимости от природы. На основании этого воззрения человек определяет и себя и свои отношения»²¹. Отметим, что в фонде Забелина сохранился экземпляр части рукописного перевода книги Фейербаха «Сущность христианства», изданной в русском переводе за границей только в 1861—1862 гг. К 50-м годам надо отнести и рукописный текст статьи А. И. Герцена «С того берега», также сохранившийся в архиве Забелина. Заметки о В. Г. Белинском, о кружке Герцена, о Гегеле, который «дошел до полпути только. Утверждал положительную религию, положительное государство»; такие мысли содержатся и в другом дневнике.—1855—1862 гг.²²

В это время обозначаются в дневнике Забелина и некоторые взгляды общественно-политического характера, тесно переплетающиеся с его научными воззрениями этого периода. Сюда относится такая, например, характеристика московского самодержавия: «Московский кнут — царь. Представляется, что он поработил народ и сделал его действительно рабом. Но так ли? Примучивая к понятию единства, он действительно стегал кнутом встречного и поперечного. Но ведь кто ж и кого тогда не стегал. Власть, в чьих бы руках она ни была, всюду она была дика, груба, эгоистична»²³.

В этом плане резко звучит критика идеализации патриархального строя славянофилами, в полемике с которыми Забелин неоднократно выступал в эти годы в печати²⁴. Под 1855 г. имеется следующая запись по поводу «квасного патриота Загоскина»: «восхищаются квасом, дегтем, вонью и разными в сущности дикими вещами, которые являет русское [человечество]. Истинные достоинства народа непонятны, неизвестны этим глашатаям. Народ живет сам по себе и не читает этих похвал непростых»²⁵.

Действительное познание своего народа, того, чем он жил и чем живет, и составляет по Забелину истинную цель науки²⁶.

С этой точки зрения Забелина не удовлетворяла современная ему историческая наука, которую он обвинял в младенчестве: «Ошибка историков в том и состоит, что они уже слишком налегают на изыскание и изображение семейных воспоминаний... В чем обыкновенно заключается история? В сборе всех добытых фактов о народной жизни. Но каких фактов? Самых внешних»²⁷. Это засилие внешних фактов Забелин в дальнейшем поставит в вину Соловьеву. Он обвиняет историю Соловьева в увлечении «громкими, гремящими войнами, поражениями и т. п.», противопоставляя этому требование изучения «внутреннего быта народа» как основной проблемы. «Мы должны узнать прежде всего внутренний быт народа во всех его частностях; тогда события и громкие и незаметные оценены будут несравненно вернее, ближе к истине»²⁸.

Именно в этом плане выступает перед Забелиным проблема «внутреннего быта» или «домашнего быта», которую он объявляет основной темой археологии. Под таким углом зрения он подвергал, однако, критике и современную ему археологическую науку. В набросках программной статьи для задуманного им издания «Русского археологического сборника» он записывает уже в 1850 г. такие мысли: «Главная задача Русского археологического сборника привести в известность и постепенно разрабаты-

¹⁹ Фонд Забелина, д. 7, л. 321.

²⁰ Там же, л. 379об.

²¹ Там же, лл. 243 об.—244.

²² Там же, д. 5, лл. 81—82.

²³ Там же, д. 7, л. 286об.

²⁴ Статьи в «Моск. губ. ведомостях», 1847, № 13, 14, 36, 37, 53, 54; «Некоторые придворные обряды и обычаи царей Московских»; «Характер начального образования в допетровское время». «Отечественные записки», март 1856; «Опыты», ч. I; «Женщина по понятиям старинных книжников». «Русский вестник», май 1857; «Опыты», ч. I.

²⁵ Фонд Забелина, д. 7, л. 318.

²⁶ Там же, лл. 245, 256 и др.

²⁷ Там же, л. 250.

²⁸ Там же, лл. 236 и 241.

вать материалы, объясняющие древнюю русскую жизнь с ее внутренней, домашней стороны. До сих пор наша археология не обращала еще должного внимания на такие материалы...». Он указывает, что современная археология есть «рассказ о вещах», так же как история — «рассказ о событиях»; «позабыли о человеке»²⁹.

К этому вопросу он возвращается в записях дневника 1853—1855 гг., выступая против эстетического подхода археологии к вещевому памятнику, против сосредоточения ее интересов на античных памятниках. «Все же то, о чем могли свидетельствовать эти памятники,— нравы, обычаи — отлагалось в сторону, как посторонняя, едва нужная вещь». Этому вещеведческому направлению в археологии — «ученой отвлеченности» он противопоставляет «живого человека»: «Памятники древности интересуют нас, потому что с ними связывается, сливается память о человеке»³⁰.

Перед Забелиным встал вопрос об отношении археологии к истории. В решении этого вопроса он проявлял на данном этапе определенную нерешительность, непоследовательность. Признав как будто главенствующее значение археологии, он рассматривает еще археологию как «главу истории, часть ее», которая «должна излагаться слитно с историческим изложением». При этом «история — общее, археология — частное. Там законы общей жизни, здесь законы, условия частной жизни»³¹. Археологии отводится таким образом как бы подчиненная роль. Но вместе с тем именно археология занимается самим человеком как делателем истории.

Размышлял Забелин и о существовании исторической личности. Забелин определяет ее прежде всего как «тип». Но это понятие оказывается слишком абстрактным. «Во всякую эпоху свой герой времени», — записывает он и тут же добавляет: «пожалуй, и в каждой человеческой среде, сословии свой герой». Он упорно задерживается на этой теме и пытается определить состав этих «героев» — «типов». Но перечень их сразу выдает беспомощность Забелина в этом вопросе: это — отец семейства, владелец общей земли, помещик, вотчинник-хозяин, казак, чиновник, солдат³². Мысль Забелина продолжала работать над этой проблемой все последующее время в поисках конкретного пути изображения истории народного быта как истории общественного быта в отличие от ее абстрактно-этнографического понимания романтической историографией.

В этой трактовке археологии как системы исторического изучения намечается, хотя и очень неопределенно, еще одна тема. Обозначив как первую задачу археологии изучение «жизни материальной, физической», «того, что ел, чем жил, как одевался древний человек», он записывает в указанной статье для «Русского археологического сборника», что «история — глава физиологии» и ставит в скобках указание на Дрепэра. В записи в дневнике под 1853 г., определяя человека как организм и указывая на органичность каждого исторического явления, он снова возвращается к этой же мысли: «Если человека называли организм[ом] — то должны рассматривать его с естественно-научной точки зрения»³³. В таких высказываниях уже обозначается тенденция позитивистских взглядов, окончательно оформляющихся у Забелина к началу 60-х годов, когда они получают довольно широкое отражение вообще в либерально-буржуазной историографии, к которой в это время в целом и принадлежал Забелин. В то же время Забелин рассматривает изучение материальной стороны домашнего быта лишь как путь к раскрытию духовной культуры — жизни моральной и умственной; мы видели усиление этой темы в его статьях конца 50-х годов.

Так вырисовывается процесс формирования научной мысли Забелина и его первые итоги. Его научные искания, а не случайный комплекс архивных документов, определили то направление научного исследования, которого он так настойчиво и последовательно придерживался в своей научной работе. Вместе с тем именно в развитии и углублении этой научной концепции — источник последовательного расширения тематики, исследовательского охвата, особенно характерного для 50-х годов. Объединение археологического и историко-бытового изучения, история производства как городского производственного быта (ремесло как особый сознательно-бытовой комплекс фигурирует и в позднейших исследовательских программах Забелина), обращение

²⁹ Там же, д. 260, лл. 2, 4 и др.

³⁰ Там же, д. 7, лл. 258, 262, 265.

³¹ Там же, лл. 255—257.

³² Там же, лл. 271, 272.

³³ Там же, л. 276об.

к духовной культуре как бытовому комплексу, наконец, непосредственное выдвигание общественно-бытовой темы.

Окончательное оформление научных взглядов Забелина относится уже к началу 60-х годов, ко второму, центральному этапу его научной деятельности.

* * *

В развитии русской историографии 60-е годы явились периодом, когда позитивистские тенденции стали довольно заметными.

Позитивизм нашел многообразное отражение в русской либерально-буржуазной историографии: в форме теории народной психологии у Костомарова, отчасти у Ключевского и даже у Вестружева-Рюмина, в сближении истории с естествознанием у народников и у неославянофилов (Данилевский), в заостренной постановке вопроса о роли природного фактора, в частности климата, и т. п.

В условиях общественно-идейной борьбы и известного воздействия позитивистских идей в 60-е годы вполне оформляются общественные и научные взгляды Забелина. Общественное движение времени революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов и проведения крестьянской реформы нашло своеобразное отражение, не лишённое значительных противоречий, в мировоззрении Забелина этих лет. Закреплялась тесная связь Забелина с тем либеральным профессорским кругом, наиболее характерным представителем которого являлся Кавелин и который так ярко охарактеризован в работах В. И. Ленина. В Москве Забелин неизменно в обществе А. Станкевича, Бабства, Чичерина, Дмитриева, Кетчера и др., во время кратких наездов в Петербург он у Кавелина и среди людей его круга. Но в то же время дневниковые заметки Забелина свидетельствуют об определенной оппозиции его некоторым тенденциям этого круга. В таких оппозиционно-критических суждениях Забелина, на наш взгляд, следует видеть проявление свойственных мелкобуржуазному либерализму демократических симпатий. Линия таких суждений со всей отчетливостью прослеживается примерно до 1865 г.

В декабре 1862 г. Забелин записывает о раздражении, вызванном в этом кругу его статьей «Размышление о современных задачах русской истории и древностей». В декабре 1864 г. он записывает об остром споре относительно Бокля, сторонником которого он выступил. Под 12 января 1865 г. находим его запись о разговорах у Станкевича, запись сопровождается характерным замечанием о «демократической злобе», вызываемой у него разговорами «бар» о придворных делах. 20 января того же года, в том же кругу — у Станкевича — Забелин вступает в спор с Кетчером, отстаивая принципы равноправия женщины, которая должна быть «гражданином свободным»³⁴.

Несколько дальше он отметил новый спор у Станкевича по вопросу о материализме, против которого выступали Рачинский, Соловьев, Кетчер, Корш. «О материализме высказаны, особенно Рачинским, такие узкие понятия, пошлые, стертые, что тошно было слушать. Говорили о примирении откровения с естественными науками. В Англии все ученые сказали, что наука сама по себе, а вера сама по себе. Это статья в Православн[ом] Обозрении...» В частности Соловьев пытался размежевать области науки и религии. «Я противоречу,— записывает Забелин,— Соловьев не заметил, что напр. бессмертие души, как решить (sic!), это входит в оба раздела. Я развил мысль, что научные выводы колеблют, разлагают это учение, что ученые вообще осторожны, но философы, т. е. мыслящая публика, на их выводах создает философию... Кетчер назвал меня Манилов, подбитый Собакевичем, материалист, подбитый идеалистом, верующий — неверием, что я веровал в Бюхнера»³⁵. Наконец, спор о роли личности в истории вызывает возражения Забелина об определяющей роли «среды», «почвы». «Реалисты, ставя во главу угла реальность развития даже и идей человека и общества, а след[овательно], истории, говорят, что важна земля, почва, среда, которая рождает, воспитывает, образует личность, дает ей силы, направляет деятельность и т. д.... Материя и дух отдельно и независимо друг от друга существовать не могут»³⁶. Это — продолжение того же основного спора. Характерно, что свою позицию в споре сам Забелин определял как позицию «реалистов». Нельзя не вспомнить, что

³⁴ Фонд Забелина, д. 5, лл. 307, 312, 318.

³⁵ Там же, л. 321.

³⁶ Там же, л. 323 об.

«реалистам» была посвящена появившаяся в самом конце 1864 г. статья Д. И. Писарева, правда, под измененным по цензурным условиям заголовком «Нерешенный вопрос». Тем более любопытно, что вслед за этим Забелин упоминает о новом споре у Станкевича — о «нигилизме»; и в этом споре Забелин снова выступал защитником «нигилистов» и материалистом³⁷.

С этими общественно-научными спорами интересно сопоставить политические настроения Забелина в те годы, в частности его отношение к российскому самодержавию. Последний вопрос возникает перед Забелиным в связи с его размышлениями над вопросами русской истории. «Отчего для XVI и XVII вв. у нас так мало документов о борьбе лиц и партий подземных, внутренних,—замечает он в 1861 г.— Думаю от того, что рты были запечатаны страхом. Безграмотность тех людей, которые были героями. Официальная нравственность Домостроя, лицемерная, которая подземное, подклетное все упрятывала далеко. А жизнь была такая же. Гласности никакой, самая строгая цензура обычаев и нравов»³⁸. 23 марта 1864 г. он ставит вопрос об отношении между властью и народом. «Крутая, тупая, бессмысленная власть всегда воспринимает элемент протестации, который в том или другом виде явится мстителем ей... Иоанн Грозный и братья воспитали Смутное время, самозванщину; Николай — нигилизм и нигилистов всех сортов. Бунты Стеньки, Пугачева — такие же явления. Они, впрочем, обнаруживают, что народ живуч и умен, но вынослив, как скотина»³⁹. Тема народа в истории выступает в другой записи: «Правда, сначала была жестокая правда, насильничья. Куликово поле — движение народное. Смутное время — народное движение. Отсюда ряд событий, бунтов до Пугачева и 14 Декабря. Все народ»⁴⁰. Эта запись уже непосредственно перекликается с темой работ Забелина о Смутном времени, с выдвижением им в этих работах «сироты-народа» как основной действующей силы в борьбе с интервенцией.

Народ, общество все более выдвигались в это время в записях и мыслях Забелина на первый план. И это стояло, думается нам, в прямой связи с либерально-демократическими симпатиями Забелина. В заметках 1861 г. он неоднократно повторял, что «свобода, независимость, самостоятельность, самоуправство — основные лозунги современного общественного движения, растущего самосознания». Сочувствие этому движению ярко сказалось в его набросках нескольких «Писем об изучении народности»⁴¹, относящихся к тому же 1861 г. Эти письма возникли в результате какого-то разговора с гр. Строгоновым и были ему адресованы. В связи с таким происхождением «Писем» особенно характерно обращение Забелина к современному общественному движению с открытым решительным осуждением репрессивной политики правительства: «Не только умные и дельные книги, под запрещением находились и умные развитые люди, которых боялись как огня... их гнали и удаляли от всякого дела, как вредных членов общества»⁴². Письмо 4-е непосредственно посвящено современному общественному движению. Забелин явно сочувствовал университетскому студенческому движению. Причина движения, по его мнению, — неудовлетворительность состава преподавателей, превратившихся в чиновников, не отвечающих научным и нравственным требованиям. Он видит в движении отражение общего раскола общества на два лагеря; потребность самостоятельности; такая потребность направлена против идей Домостроя и политики «ежовых рукавиц». Более того, Забелин видел в этом движении необходимое проявление «духа времени», не ограниченного только Россией. «Дух нашего времени, управляющий событиями в Америке, в Италии, во всей Европе, управляющий историями наших университетов, академий, корпусов, может быть выражен одним, весьма простым словом — самостоятельностью»⁴³. (Подчеркнуто И. Е. Забелиным). Здесь отчетливо звучит сочувствие национально-освободительному движению в Италии и борьбе северных штатов против плантаторов юга в Америке. Об этом говорят и заметки в дневниках, 10 апреля 1861 г. Забелин записывает: «Отрадно бы-

³⁷ Там же, л. 326об.

³⁸ Там же, д. 269, л. 52.

³⁹ Там же, л. 100.

⁴⁰ Там же, д. 262.

⁴¹ Там же, д. 221.

⁴² Там же, д. 221, л. 46об.

⁴³ Там же, д. 221, л. 78об.

вает, когда ум гармонирует с сердцем. Это бывает очень редко. Теперь в Италии»⁴⁴. По поводу заметки в «Нашем времени» от 8 февраля 1862 г. об американских событиях он отмечает: «философия плантаторская»⁴⁵.

Надо оговорить, что прямых указаний на отношение к представителям революционного движения в России, к революционным демократам в материалах Забелина все же нет. В его записях оказалась только одна ссылка на статью Чернышевского — «Суеверие» — «1859 октябрь»⁴⁶, а в копию опубликованного в «Колоколе» письма Чернина к Герцену вложен листок заметок, отразивших симпатию к позиции Герцена⁴⁷.

Для самого Забелина скорее характерна оценка крестьянской реформы как благотворного перелома, поворота в русской истории. Именно с такой оценкой связан был, по нашему мнению, и тот обостренный интерес к Петру I и его деятельности, который проходит через все заметки и дневниковые записи Забелина этих лет, — интерес, отвечающий либерально-буржуазной концепции, связывавшей реформы 60-х годов с петровскими реформами, рассматривавшей первые как продолжение и завершение последних.

Если основное начало современности по Забелину — «самостоятельность», то Петр для него тоже воплощение «своемыслия»: «Петр, это — своемыслие. Самостоятельность пробудилась, подвинулась, пошла ломка, храмы разрушены, идолы повалены, многое очищено, но многое еще остается как старое платье. Не верим в бога и служим молебн Иверской, верим в науку, знания и боимся ее, почти преследуем ее и т. д.».

«Петр разорвал с преданием», — пишет он несколькими страницами раньше. «У нас нет связи теперь, о чем плачут разные филы, хохло-славяне и т. д. Пусть плачут. Они не воскресят старины. Тоска о предании — пустышь, онанія ума... Впереди, а не назад наше спасение...»⁴⁸. Та же мысль повторена под 25 апреля 1861 г. и в заметках по русской истории: «Петр тем велик, что он разорвал предание, осмелел его, освободил мысль, чувство... Славянофилы и Костомаров стоят за предание, ищут в старом хламе начало жизни. Петр отринул этот хлам и порешил с преданием, а за ним все западники, ищущие в новом начало жизни. Вот разница основная двух воззрений». Нельзя не отметить в высказываниях о петровских реформах отдельные отзвуки идей наших демократических просветителей. Но в конечном счете они приводили Забелина к солидаризации с позицией буржуазного по его объективной сущности западничества. Тем самым раскрывалась буржуазно-идеалистическая основа мировоззрения Забелина.

Но характерна для Забелина начала 60-х годов попытка увидеть различные социальные мотивы в оценках петровской деятельности. Петр, как личность, раскрывающаяся в нравственно-бытовом плане, — «дельный и деятельный элемент, черная, черствая работа, самодеятельность везде». Отсюда выводится разница классового подхода к оценке Петра (в своеобразной забелинской интерпретации): «Простой человек, когда вы расскажете все хорошее и все жестокое, простой мужичок, купец, вообще, делец — поймет Петра и оценит настоящим образом. Ленивый, белые руки, помещик, по привычкам, вкусам, по душе будет ненавидеть, а что любопытно, будет прятаться в своих разглагольствованиях за современную гуманность, либерализм, за все современные слова — амулеты. Это классовое противопоставление получает в заметках Забелина особую заостренность: «Они, белые руки, рожденные поедать чужие труды. Разве в этом меньше жестокости. Разве каждый барин не есть варвар — в другой только шкуре — благообразный, но тупой ум». Отметил Забелин преобладание «помещичьих взглядов» в старой русской литературе: «Мужика нет, мужицкого, народного в обширном смысле взгляда нет»⁴⁹. Обилие высказываний против «барства» бросается в глаза в записях Забелина 1861—1862 гг.

Интересны попытки Забелина в связи с задачами исторического изучения определить социальную структуру общества. В этом плане интересны следующие заметки: «Состав рус[ского] общества. Есть общество и народ», — значит в одной ранней записи. — «Б а р и н, царь. О б щ е с т в о — дворяне, дворян, лакейская. Н а р о д — дерев-

⁴⁴ Фонд Забелина, д. 7, л. 369.

⁴⁵ Там же, д. 269, л. 67.

⁴⁶ Там же, д. 269, л. 91.

⁴⁷ Там же, д. 74, лл. 79—81.

⁴⁸ Там же, д. 7, лл. 374, 368 и др.

⁴⁹ Там же, д. 7, лл. 393, 394.

ня, мир, сходка». Далее выделены особые темы: «Жизнь купеческая. Торговля в обширном смысле»; «Жизнь крестьянская. Земледелие... Идеал — двор крестьянский»⁵⁰. В этом контексте сделано ударение на крестьянскую массу. Но в приведенном выше рассуждении, в «мужицком, народном в обширном смысле» мужик оказался соединенным с «купцом» и «дельцом» в общем забелинском понимании «простого человека». В конечном счете у Забелина побеждала последняя тенденция, получившая законченную формулировку в предисловии к «Домашнему быту русских царей» (1862 г.), где социальный состав русского общества сведен к трем основным «типам»: 1) «государь или господарь... в смысле общем, как собственника и владельца, хозяина», 2) тип «земца-кормителя», разбивающийся на «лучшую, среднюю и младшую среду», носителей хозяйственной деятельности — земледелия, торговли, промышленности, «ремесленности», от посадских и чернослободских «сирот» до московских гостей. Но при этом уже не крестьянский двор обозначается в качестве «идеала». «Здесь наиболее видным лицом становится по естественной причине капиталист-гость, этот господарь-хозяин в собственном смысле». В этой же связи на сцену выступает новый — третий элемент — 3) «казачество» (поставлено в кавычки Забелиным) — «сначала как отрицание земских условий жизни, а потом как своеобразно сложившееся земство»⁵¹.

Определение казачества ведет нас непосредственно к исторической схеме и концепции Соловьева, с некоторым дополнением в последней части приведенного определения. Дальнейшую эволюцию Забелина в этом плане отражает заметка 1866 г.: «Вся история идет в борьбе казака-дружинника — воина с мужиком, помещиком, хозяином-земцем»⁵². Это соловьевская идея борьбы казацкого, анархического начала против начала государственного, идея, может быть, даже непосредственно навеянная чтением XV тома «Истории России» Соловьева, относящимся именно к 1866 г., соловьевской характеристикой восстания Булавина. В одной заметке 1866 г. — «казачий характер человека как элемент бродячий» — Забелиным сделана прямая ссылка на Соловьева⁵³.

Приведенные высказывания и мысли Забелина, особенно его суждения по социальным вопросам, как нам представляется, выражают классовую сущность общих позиций Забелина тех лет. Он явился ярким представителем мелкобуржуазной стихии. К ней восходят присущие Забелину на данном этапе прогрессивные, даже демократические тенденции. Мелкобуржуазной стихии свойственны противоречивые классовые тенденции. Они постепенно расходились и выделялись из нее в ходе исторического развития. Этот процесс последовательно уводил Забелина в ряды историков буржуазно-помещичьей России. Именно здесь основа теоретических научно-философских тенденций Забелина: его симпатии к просветителям как прогрессивное начало, разрешающиеся, однако, в «веровании в Бюхнера», в защиту Бокля, в естественнонаучные тенденции раннего позитивизма.

Историографическая позиция Забелина 60-х годов определяется именно как проявление позитивизма с характерными для этого периода внешними отзвуками материалистических тенденций. В этом смысл ряда заметок Забелина тех лет. Он противопоставляет, например, «два взгляда» на историю — «один классический, ...словесного факультета, другой физиологический, факультета естественного»⁵⁴. Здесь же подчеркивание роли географического фактора, значения климата и противопоставление на этой основе русского Севера и Юга, конкретизированное в другом месте как противопоставление посадского начала на Севере и дружинного на Юге с победой первого над последним⁵⁵.

В этом общем плане звучит и другая формулировка Забелина: «История становится наукою (подчеркнуто И. Е. Забелиным) и такою же вполне точною наукою, как все науки математические...». При этом «как понятие об истории неотделимо от поня-

⁵⁰ Фонд Забелина, д. 219, лл. 75, 76.

⁵¹ И в. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I, стр. XIV и XV. Цитирую по 4-му изданию, стр. IX—XIX воспроизводят текст предисловия к 1-му изданию.

⁵² Фонд Забелина, д. 269, л. 320.

⁵³ Надо сказать, что такая связь отдельных заметок Забелина с прочитанной литературой еще усугубляет их внутреннюю противоречивость.

⁵⁴ Фонд Забелина, д. 269, лл. 35, 39 и посл.

⁵⁵ Там же, д. 219, л. 79об.

тия о жизни, так и понятие о жизни неотделимо от понятия о развитии»⁵⁶. В чисто позитивистском духе звучит настойчиво повторяемое Забелиным уподобление всякого исторического явления «живому организму». Мысли эти конкретизируются и систематизируются в статьях Забелина 1860—1862 гг.

Показательна и тенденция Забелина, хотя и робко выраженная, выдвигать на первый план хозяйство, условия материальной жизни: «Прежде всего нужно узнать, как живет человек в хозяйственном, экономическом отношении, чем занимается..., как достает себе пропитание и кормление, насущный хлеб»⁵⁷. С точки зрения такого понимания закономерности развития Забелин пытается в заметках найти решение вопроса о государственном развитии, противопоставляя его государственной точке зрения. «Если начало жизни промышленно-торговое, то его продуктом необходимо был посад... Посад на севере взял верх и не мог исчезнуть. Он основал государство с Иоанном III... Нельзя думать, чтобы государство такой прочности, как Русское государство, [основалось] личною волею одного или нескольких самодержцев. Личная воля много значит, когда есть для нее почва в народе, в выгодах и потребностях народа... Постройка государства была промышленная, а не военная»⁵⁸. В этом же плане в «Письмах о народности» выдвигается значение начала собственности. Но удержаться на этой позиции Забелин не мог: вскрывалось глубинное противоречие научного мировоззрения Забелина — основное противоречие позитивизма. Рядом с экономическим, материальным фактором выступает у Забелина настойчивое утверждение решающей роли идей, психического фактора. «Идеи руководят историей», — пишет он в той же упоминавшейся тетради 1861 г.⁵⁹. Таких высказываний множество. Сами социально-экономические отношения выступают у него в форме «идей»; так и в «Письмах о народности» речь идет в сущности об «идее собственности». Отсюда и конечное определение основной задачи исторического изучения — «представить духовный, нематериальный образ человека»⁶⁰. «Даже материальная обстановка есть явление той же психологической работы», — записывает он несколькими страницами далее⁶¹.

Эти противоречия конкретизируются и углубляются с обращением ко второму принципиальному вопросу в системе исторических взглядов Забелина — о роли личности в истории. Нам необходимо вернуться к упоминавшемуся выше изложению взгляда «реалистов» на этот вопрос (1865 г.). «Материя и дух отдельно, независимо друг от друга существовать не могут», — приводили мы положение Забелина. «Материя — среда... ничто без духа (воплощенной личности)», — продолжает он. — «Масса не может освязательно действовать, т. е. лично; идея каждая развивается постепенно, расширяется, охватывает массу, и так является возможность явиться личности. А если явится подобная личность прежде времени, она погибает от массы, от среды... Личность без успеха гибнет, если дело не созрело. Если же созрело, то она торжествует, овладевает всем. Успех ее дела озаряет ее божественным светом. Редко бывает она достойна этого сияния. Большей частью успех имеют люди практические, т. е. своего рода политики или плуты. Наполеон, Петр, Лютер и т. д... Они велики больше потому, что все были готовы идти за ними. Иногда общество ищет вождя, и первый наглец приобретает успех»⁶². С одной стороны, подчинение духа материи, личности — обществу; с другой стороны, — решающая роль духа, «идеи». В оценке личности Забелин приходит к полному нигилизму, особенно характерному в отношении Петра после всех высказываний, приведенных выше. Но этому положению противостоят настойчивые записи 1861 г.: «Лицо — важное дело — потому что оно все создает, хозяйство, промысел, литературу, политическое устройство. Оно корень всего быта, всех порядков и условий жизни»; «До сих пор история занималась обществом, а не лицом»; «Вся история есть развитие человека, как лица; не как скотины, а как лица; развитие сердца и ума»⁶³.

Разрешение этого противоречия Забелин находит в противопоставлении единичной личности историческому герою как типу, как представителю общества. Отсюда

⁵⁶ Фонд Забелина, д. 219, л. 79об.

⁵⁷ Там же, д. 269, л. 17.

⁵⁸ Там же, д. 219, лл. 79об.— 80.

⁵⁹ Там же, д. 269, л. 38.

⁶⁰ Там же, л. 54об.

⁶¹ Там же, л. 68об.

⁶² Там же, д. 5, лл. 323об.— 324.

⁶³ Там же, д. 7, лл. 366—369.

он приходил к вопросу о социальной структуре общества. Мы отмечали выше, что проблема героя-типа, представляющего свою среду, определенную общественную ячейку (из таких ячеек складывается общество), также сформулирована Забелиным уже в 50-е годы. Но теперь она выступала настойчивее, и в эти годы Забелин систематически возвращался к ней в дневниковых записях и исторических заметках, стремясь определить состав этих типов. Самая попытка раскрыть внутреннюю структуру общества, сделать внутренний строй общественной жизни основным предметом исторического изучения представляет несомненно прогрессивное явление. Но сейчас же всплывает у Забелина старая типизация с внешними, случайными признаками и неоправданной дробностью. Ограничусь одним примером из записи под заголовком «Исторические типы»⁶⁴. Забелин начинает с князя, обозначая далее подразделения этого «типа»: «варяг, самовластец, вечник, дружинник, вотчинник, государь, самодержец, удельный, младший, великий». Затем следует: «Дьяк, подьячий, приказный, гость, поп, монах, стрелец и т. д.». Наконец, «община — Новгород, Вятка, Псков и т. п.». Корень всех этих противоречий в том, что к своей «типизации» Забелин шел, в конечном счете, не от социального анализа общественного строя, а от бытовой и психологической характеристики общественных элементов; поэтому и экономическая характеристика получала свое разрешение и конкретизацию в хозяйственно-бытовой или правовой, а не в классовой характеристике общественно-производственных отношений.

Еще решительнее выступает сейчас старое противопоставление внутренней жизни общества внешнему ходу исторических событий, и вместе с тем и вопрос об отношении археологии и истории, но последний — с определенной новой тенденцией его разрешения. По-прежнему Забелин со всей резкостью противопоставляет внутреннюю жизнь внешним событиям, отводя решающее место первой: «Умственное и нравственное развитие эпохи, вот почва, развивающая и воспитывающая поколения. Событие — туча, гроза; события — результат, завершение «подземной работы поколения»; «год» — только «верстовой столб, века»⁶⁵. Он обрушивается на Соловьева за нагромождение архивных фактов, которые душат историка: «история есть проникание вглубь, а не собирание наверху фактов»; «это Татищев нашего времени»⁶⁶. Подлинная история есть деятельность лица, «потому что оно все создает: хозяйство, промысел, литературу, политическое устройство». Но ведь это же и есть, по Забелину, содержание археологии. Углубляя старое противопоставление истории и археологии, Забелин приходит теперь к утверждению, что археология как наука о внутреннем быте составляет основу исторической науки, а не ее часть, главу: «История и археология, их отношение, — записывает он в 1865 г. — История идет за политикой. Но что такое политические события? — выход, вывод, результат жизни, ... а жизнь-то во всем разнообразии и есть археология»⁶⁷.

Отметим еще одну характерную черту всех записей Забелина — горячее национальное, патристическое чувство, любовь к русскому народу и его прошлому. Оно выражено прежде всего в решительном протесте против национального нигилизма, особенно отчетливо увиденного им в работах Костомарова, утверждавших татарское начало Московской Руси, сводивших на нет прогрессивное значение образования централизованного русского государства, объединения Руси. С другой стороны, этот, высказанный по поводу работ Буслаева о древней русской литературе⁶⁸, протест против теории заимствования, европеизации, упразднявшей «народность» как основу русского развития. Взглядам Костомарова и Буслаева Забелин противопоставлял идею народности и ее органического развития, стремясь, однако, отмежеваться от славянофильской интерпретации этой идеи.

Все эти размышления принципиального характера Забелин попытался сформулировать в печати в двух статьях историографического и методологического характера: «Размышления о современных задачах русской истории и древностей» и «Современные взгляды и направления в русской истории»⁶⁹.

⁶⁴ Фонд Забелина, д. 269, л. 63.

⁶⁵ Там же, д. 7, л. 395об.; «Чертомлык», 2 июня 1863 г.

⁶⁶ Там же, д. 269, лл. 109—110. Мы не касаемся конкретной стороны этой оценки.

⁶⁷ Там же, л. 256.

⁶⁸ Многие мысли об отдельных историках разбросаны в заметках Забелина в декадах 219 и 269.

⁶⁹ Первая была напечатана в «Отечественных записках» в ноябре 1860 г. и вошла во II часть «Опытов», вторая опубликована в «Петербургских ведомостях» в 1863 г. в № 35, 36 и 38 и воспроизведена в 1 части «Опытов».

Основное положение Забелина — признание глубокого кризиса исторической науки, определенного всем ходом общественного развития, кризиса, коренящегося в сохранении современного «поворотного периода» русской истории. «Так как история есть самая богатая и единственная сокровищница фактов, дел человеческой жизни, то за разрешением возбужденных вопросов обратились прежде всего к ней,— пишет Забелин в «Размышлениях». — Но, заметить должно, ее застали врасплох все эти неугомонные и неотлагаемые требования и вопросы, зародившиеся в уме современного человека. Она вовсе не была готова давать им положительные определения и точные ответы». «Да и давно ли заговорили о действительности, о положительном, о сущем, как оно есть, а не как оно представлялось дотоле в запуганном и расстроенном воображении»⁷⁰. Еще резче звучит эта мысль во второй статье, написанной в 1862 г. Здесь Забелин прямо говорит о «теперешней мысленной разногласнице», о «мысленной розни», обусловленной развитием общественной идеи, тем «живым воплощением ее сил и требований, которое современники называют обыкновенно хаосом, брожением общественной мысли, умственной и нравственной неурядицею и разладицею»⁷¹. Отметим, что в отличие от упоминаемых современников Забелин расценивает эту «мысленную рознь» как явление положительное, как условие развития науки, противопоставленное им тому застою, на какой обрекала ее вся предшествующая политика самодержавия, на которую он тут же совершенно недвусмысленно указывает⁷². И, может быть, никто из русских буржуазных историков в эти годы так ярко не ощутил и не выразил в своих статьях это сознание глубокого кризиса, который действительно переживала в рассматриваемый период буржуазная историческая наука.

Здесь сказывается ощущение Забелиным того тупика, в который приходила буржуазно-идеалистическая историография. Но при этом сам Забелин, конечно, не мог порвать с основами этой же самой историографии. А они вели его в конечном счете к ряду положений той же государственной школы, в которой буржуазная историческая мысль пореформенного периода выразилась наиболее полно. В исторических взглядах Забелина можно проследить определенное влияние кавелинских идей, и при этом характерно определенное предпочтение, оказываемое им Кавелину перед Соловьевым.

Как и в его заметках для себя, так и в статьях для печати особая критика направлена против славянофильства и его трактовки народного начала, выливающейся в отрицание развития, в идеализацию патриархальности, трактовки, заключавшейся в том, что славянофильство «смотрит в даль прошедшего», призывая на спасение современности угасшие образы древней жизни, поклоняясь благоговейно перед этими образами, как перед кивотом завета⁷³. Эта заостренность обусловлена несомненно тем, что в славянофильстве Забелин прежде всего искал искажения тех понятий, которым он сам придавал решающее значение,— понятий народности и самостоятельности.

В плане того же размежевания идет и решительная критика исторических взглядов Костомарова: «взгляд г. Костомарова по преимуществу этнографический, дробный, по-видимому, совсем чуждый взгляду, который мы признаем органическим». Забелин здесь безусловно верно нащупал основы исторических воззрений Костомарова, коренящихся в этнографической позиции романтической историографии 40-х годов, определяющие общие со славянофилами истоки его методологических позиций.

В этой полемике симпатии Забелина на стороне исторических воззрений «главных представителей органического понимания нашей истории» — Кавелина и Соловьева. Сочувствие Кавелину относится к мыслям, развитым в кавелинском «Взгляде на юридический быт древней России» и к постановке Кавелиным вопроса о приемах изучения народности по поводу книги Терещенко. Вместе с тем Забелин решительно против господства в исторических трудах политических событий, государственной истории: «...место, которое по праву должно бы принадлежать лицу народа, отдается сплошь под изображение правительственных только лиц»; «правительственные документы, материал чисто бумажный, мертвый» заслонили акты, «в которых записаны

⁷⁰ «Опыты...», ч. II, стр. 12, 9.

⁷¹ «Опыты...», ч. I, стр. 311, 308, 302 и др.

⁷² Там же, стр. 310.

⁷³ Там же, стр. 340.

не правительственные действия и распоряжения, а живые дела народа»⁷⁴. И хотя он противопоставляет этим тенденциям «органическую школу», статья его содержит и прямую критику Соловьева, у которого, пусть по условиям состояния самой науки, «факт взял верх и своею дельностью незаметно вытеснил теплоту живого, цельного воззрения на прошедшее», за счет «органического взгляда, той физиологической основы, с которыми автор приступил к обработке истории»⁷⁵.

В общем противопоставлении «органического, жизненного взгляда на русскую историю» «государственному, официальному» направлению нельзя также не отметить апелляции к имени Белинского, хотя Забелин и не умеет отделить его от так называемой органической школы западников. С именем Белинского связывал Забелин новое учение о народности, «об исторических началах». Забелин писал об озлобленной вражде к новому направлению «людей, застаревших в ученых предрассудках»: «они, эти одеревяневшие люди, эти фарисеи истории и науки, литературную критику Белинского принимали за личное себе оскорбление, за возгласы партии, вовсе не ощущая живого духа, повсюду в ней носившегося»⁷⁶. Впрочем, в статье 1863 г. Забелин спешил отмежеваться от возможного радикального истолкования его позиции, хотел отмежевать идею самостоятельности от идеи революции, утвердить ее как «идею чисто консервативную»⁷⁷.

Такому состоянию исторической науки Забелин пытался противопоставить свою положительную программу, наиболее полно изложенную в его «Размышлениях...». Ее исходное положение — признание «широкого разлива естествознания», сближение «наук о жизни природы и человека», объявление истории «такой же естественной наукой» и вытекающее отсюда утверждение «идеи организма», принципа органического развития. Задача истории — «раскрытие, обнажение жизни», «изучение и изображение человеческой жизни в форме общества, народа, государства». Соответственно предметом истории объявляется «народ — общество — как живое целое», как «проявление его жизненных, внутренних сил». Изучение народа как живого организма противопоставляется «сборной биографии неугомонных лиц, рассказанной в хронологической последовательности событий». С другой стороны, органически развивающийся народ противопоставляется «этнографическому» пониманию народности, абстрактной трактовке «вопроса о какой-то народности в противоположность государственности». «Народность — живое целое, и механически делить ее невозможно», — заявляет он и в статье «Современное состояние». Во всем этом сказывалось стремление Забелина вырваться из современной ему «мысленной розни». Современной историографии с ее «антикварной эрудицией» и «точкой зрения государственной истории» Забелин противопоставлял изучение «живой народной действительности» во всем многообразии ее материального и духовного быта. Здесь он видел решение основных исторических вопросов, в том числе и таких, как происхождение варягов-руси, разрешаемое лишь исследованием о доисторическом нашем быте, — задача, которую сам Забелин попытается разрешить позднее в «Истории русской жизни».

Однако, отказавшись от абстрактной романтической идеи народа, Забелин не мог дать реальную основу новому пониманию народного развития. Он сводил характеристику этого развития к тем же абстрактным формулам либерально-буржуазной историографии об историческом единстве народа и государства, о развитии общества как политическом раскрепощении абстрактной единичной личности, а определение его структуры подменял тем же неопределенным рядом условных общественных «типов», который обозначился в приводившихся выше черновых заметках. В этих схемах уляжется и государственная вотчинная теория с добавлением своеобразной психологической интерпретации.

История внутреннего и внешнего быта определяет в конечном счете пути исторического изучения, окончательно утверждая археологию в новом, забелинском понимании как науку о быте, в качестве основы всей исторической науки. Именно в этом итог «Размышления». Нам представляется при этом особенно симптоматичным то первенствующее значение, которое отводил Забелин теперь в историческом изучении именно материальным памятникам прошлого. Они представлялись ему непосредствен-

⁷⁴ «Опыты...», ч. II, стр. 21, 24.

⁷⁵ Там же, стр. 33, 34.

⁷⁶ Там же, стр. 30.

⁷⁷ «Опыты...», ч. I, стр. 316—317.

ной первоосновой этой прошедшей жизни и самыми надежными свидетельствами о ней. «Прапрадедовский кафтан, мебель, посуда и всякая вещь дедовского домашнего обихода скорее переносит вашу мысль в среду старой действительности, чем все книжные сказания и писания». «Внутреннее состояние общества» должно выступить на первый план в отличие от «затверженного приема в историческом изложении», где оно «как бы прячется взад, как всякий скарб и хлам, долженствующий оставаться в обозе или храниться в отдаленной кладовой, ибо неизвестно, понадобится ли он в деле или нет»⁷⁸. Но, выдвинув требование «предварительного археологического изображения всех сторон той действительности», «единичной жизни века, из которой выходили лица и неслись события», Забелин в своем понимании общественной жизни не нашел прямого перехода от первого к последним. Отсюда неизбежное включение психологического фактора как моста между ними, характерное для всего позитивистского направления в историографии. Отсюда обращение Забелина к духовному быту, духовной жизни, как конечной цели археологического изучения, причем «основа археологической системы должна искать свою твердую опору в психологии»⁷⁹. Психология народа, по Забелину, — первая отрасль знания, идущая на помощь истории в решении ее насущных задач. Влияние учения о народной психологии мы найдем в этот период, как указывалось, у значительной части историков — у Бестужева-Рюмина и Ключевского, у Костомарова и др.

Таковы общие итоги и внутренние противоречия научных исканий Забелина. С одной стороны, либеральные и даже демократические симпатии и тенденции, сочувствие нигилизму и даже материализму (речь идет о механическом, вульгарном материализме того времени и в качестве своеобразного отражения в исторической методологии — обращение к археологическому изучению, т. е. к материальному быту, в частности к быту экономического). С другой стороны, буржуазная природа всего мировоззрения, ее идеалистическая сущность и подчинение материи духу, первенство «внутреннего быта» — духовной жизни — над «внешним» — материальным бытом, первенство психологии народа и народных идей. В итоге задачи большого научного синтеза превращались у Забелина в «физиологию» народной жизни, чтобы затем разбиться в бесчисленном множестве общественных типов, в изображении действительности во всех ее крупных и мелких явлениях. Поэтому и вся критика славянофильства и государственной школы завершается у Забелина механическим соединением славянофильской народности и вотчинно-родовой теории государственной школы с конечным торжеством последней. Все это — логический итог внутренних противоречий самого позитивизма, являющегося всего лишь отражением материализма в буржуазной литературе (если можно так выразиться по аналогии с ленинской формулировкой об «отражении марксизма») и неизбежно обнажающего свою буржуазную, идеалистическую сущность со всеми вытекающими отсюда логическими выводами.

Научная деятельность Забелина в 60—70-е годы отразила внутреннее развитие всех противоречий: отражение прогрессивных тенденций в его больших начинаниях в первое время этого периода завершалось фактическим банкротством на исходе 70-х годов, банкротством, раскрывающим идеалистическую сущность научной позиции Забелина. Непосредственно примыкая к его работам предшествующего периода, эта деятельность состояла из двух основных направлений: история домашнего быта как быта народного и местная история в виде истории городов — история Москвы.

Такая тематика в какой-то мере характерна вообще для русской либеральной и демократической историографии 60-х годов. Тема народного быта в либеральной историографии представлена у Костомарова, хотя и с определенной этнографической окраской, и в работах со специальной тематикой — «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа» или «Очерк истории и торговли Московского государства в XVII ст.» — и в его общесторических монографиях, как «Богдан Хмельницкий» или «Бунт Стеньки Разина». В демократической историографии, у Шапова она ставится в прямую связь с историей народных масс и народных движений; как вопрос социального быта она отражена в истории крестьянства (А. Ефименко и др.). Изучение местной истории как истории местных народных сил, строящих историю России, также

⁷⁸ «Опыты...», ч. II, стр. 63—64.

⁷⁹ Там же, стр. 69.

находит свое отражение и в областничестве Шапова, и в федерализме Костомарова, и в сибирском областничестве, и в широком развитии краеведческих изучений.

Первая тема — «История домашнего быта русского народа» — выростала у Забелина непосредственно из истории домашнего быта русских царей. Выпущенный им в 1862 г. первый том «Домашнего быта русских царей в XVI и XVII ст.» обозначен им как ее первый том. Предисловие должно было определить общую программу намеченной большой темы. Мы находим здесь и общие ссылки на естествознание и физиологию народной жизни и утверждение первенствующего значения «внутреннего развития домашней жизни народа». Автор пытался наметить и принципы этой истории быта, возражая против того, что «разновременные, разноместные и разнословные бытовые факты сводятся под известное оглавление». Но сам он может противопоставить этому лишь свой суммарный набросок основных типов, о котором речь была выше, подлежащий дальнейшему подразделению на частные разновидности — по общественным положениям и хронологической принадлежности на экономическо-бытовой и психологической основе. Именно в силу методологической позиции Забелина эта работа, посвященная быту царей, не вышла и не могла выйти за рамки того «внешнего быта», который характеризовал его же очерки, писанные в предшествующий период.

История царского быта непосредственно смыкается у Забелина с политической темой Московского единодержавия в его вотчинной трактовке, идущей от государственной школы и Соловьева. Та же трактовка распространялась Забелиным и на характеристику Москвы как царской вотчины. Дальнейшее развитие обе темы получили в последующих работах Забелина. Но в то же время здесь еще все было окрашено известным критическим отношением к московскому князю, которого сперва «земля кормила», сохраняя свою самостоятельность, который потом превратился в вотчинника и господаря, когда «двор» отеснил «землю» и «древнее выражение: страдать за Русскую Землю заменилось новым: служить Государю». Отсюда и мысль о «земстве», которому нужно защищаться от «княжеских захватов и отчинных притязаний» и об отсутствии для этого необходимой «прочной политической формы» у древнерусского земства.

Критическая настроенность Забелина нашла свое выражение и в первой главе второго тома — «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» (1869 г.). Глава посвящена вопросу о женской личности в допетровском обществе. От этого вопроса Забелин выходит к еще более широкому вопросу обо всем общественном строе древней Руси — к старому спору об общинном и родовом начале. Решение этого вопроса Забелин ищет в идее семейно-общинного быта с двором в качестве основной ячейки, представляющим во внутреннем строе семью-род, продолжение родового быта, вовне — часть общины-земли. Но в общине он видит «лишь связь имущественных, следовательно материальных отношений, не более». И семья, и община, как и появляющаяся рядом с ними вотчина, объявляются лишь «формами быта», которым противостоит понятие о его «началах» как нравственной связи, «нравственном начале». Таковым объявляется родительское, патриархальное начало, так же как род объявляется «органической клеточкою нашего допетровского общественного быта»⁸⁰. В этой абстрактно-идеалистической схеме все настоячивее проступает определенная юридическая концепция с ее противопоставлением патриархального и личного начала, сформулированная у Кавелина и сочувственно воспринятая Забелиным. Патриархальное начало и вытекавшее отсюда бесправие личности нашло свое законченное выражение в системе Домостроя⁸¹ и вело к полному подавлению женщины, вызывая решительный протест Забелина против «самовластия» как «жизненного начала старого русского быта» и «рабского принижения личности»⁸². Так в расширенном плане возвращалась тема его статьи 1857 г. — «Женщина по понятиям старинных книжников».

И в первом и особенно во втором томе «Домашнего быта русских царей» изучение царского быта, не ограничиваясь описанием чисто вещевого материала и личного быта, незаметно втягивало в круг наблюдения и массу зависимого дворцового люда и общие культурно-бытовые, мировоззренческие вопросы.

⁸⁰ «Домашний быт русских цариц», 4-е изд., стр. 10—17, особ. 25—27.

⁸¹ Там же, стр. 37 и сл.

⁸² Там же, стр. 67.

Но план намечал постановку их независимого самостоятельного изучения в общей системе многообразного состава общества. Этот намеченный большой план Забелина остается, однако, им нереализованным. И не последняя причина к такому положению заключалась, видимо, в том, что самый план не мог дать конкретного решения вопроса: состав русского общества так и не получил определения, ибо в основе его оказалась абстрактная, психологическая формально-юридическая трактовка самого общества.

Пожалуй, единственной попыткой выйти за первоначальные рамки царского быта явилась работа Забелина о боярской вотчине — «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве в XVII в.»⁸³. В том психологически-правовом плане, который в конечном счете заметно отразился в определении типов, боярин-вотчинник непосредственно примыкал к царю-вотчиннику, каким он представлялся Забелину. Государственно-правовое начало снова заявляло свои права. Все же всем своим содержанием новая тема неизбежно вывела автора из области государственного быта в сферу отношений экономических и социальных, и в этом ее несомненное и большое историографическое значение. В сущности это было первое исследование по истории крепостного хозяйства в России, данное на основе большого архивного материала, опубликованного гораздо позднее только в советское время. Забелин дал в этой работе яркую картину всей организации вотчины, вотчинного управления и вотчинной эксплуатации и в самой постановке вопроса как-то причудливо переплелись обе темы, два типовых ряда — вотчинно-господарского и земского народного быта.

На первом плане тема вотчины — государства: «вотчинник, — был ли он государь или помещик, — все равно»; вотчинная приказная служба, дворян — дворяне; вотчинный суд, кормление и крепость земле. Однако реальные жизненные отношения противопоставляли боярину-вотчиннику крепостного крестьянина, земца-кормителя, по терминологии Забелина: мы встретимся лицом к лицу с самим народом, «который непременно и расскажет нам, что он такое»⁸⁴. Забелин полон сочувствия к сироте-народу: «Кормитель-земец должен был оплачивать каждое свое движение... Никто, конечно, не приносил в крестьянскую среду столько бед и притеснений, как эти приказные люди всякого звания»⁸⁵. Из вотчинного строя и права кормления Забелин выводит и закрепощение и разорение крестьян. Он готов сочувствовать и крестьянским движениям, представлявшимся Соловьеву и государственной школе лишь анархией или смертью: «Мысль о том, выдержит или не выдержит живая крестьянская почва, постоянно производимые в ней опустошения, была очень далека от тогдашней экономической и государственной мудрости... Мы знаем, что почва не выдерживала и иной раз колебала даже самое государство»⁸⁶. Отсюда Забелиным выводится и страх власти перед просвещением крестьянства, которое «не потерпело бы подле себя диких учреждений»⁸⁷. Однако, оторванное от действительного понимания самого общественного строя и общественного развития с его классовыми противоречиями, это столкновение двух общественно-бытовых типов так и остается у Забелина без практического разрешения. История домашнего быта заходит на этом пути в тупик и обрывается.

Местная, территориальная история — другое решение той же проблемы раскрытия народной жизни через ее местные проявления — «типы». И здесь практическое начало было заложено уже раньше. И в эту тему теперь Забелин пытался внести принципиально новое содержание, осмыслить ее, исходя из своих новых методологических, научно-общественных установок в соответствии с общей трактовкой истории как науки о народном быте.

Свою общую программу Забелин сформулировал в пространной рецензии 1867 г. на новую работу И. Снегирева и А. Мартынова по истории Москвы⁸⁸. Рецензия переросла в программу собственных исследований Забелина, в первый набросок его истории Москвы. Забелин отмечает отсутствие «руководящей, объединяющей последовательной мысли», «критической изыскательности», замененной внешним повествованием, рассказом, «перечневой», «хронологической историей»⁸⁹. Между тем «подробное исто-

⁸³ «Вестник Европы», 1871, № 1, 2.

⁸⁴ «Вестник Европы», 1870, № 1.

⁸⁵ Там же, стр. 12.

⁸⁶ Там же, стр. 28.

⁸⁷ «Вестник Европы», 1870, № 2, стр. 514.

⁸⁸ «Древности Москвы и их исследования». «Вестник Европы», март, июнь, 1867; см. «Опыты...», ч. II, гл. II.

⁸⁹ «Опыты...», ч. II, стр. 120, 143—145, 193.

рическое и археологическое описание наших старых городов»... [должно]... «раскрыть и осветить темные украны нашей истории, местные, частные свойства и силы нашего исторического развития», «раскрыть историческое и древнебытовое значение Москвы» «главным образом в ее частном быту»⁹⁰.

Описание Москвы намечается в плане «топографическом» — «распространение и, стало быть, размножение ее населения», в плане историческом — как раскрытие «политического смысла» ее развития. В соответствии со своей общей тенденцией тех лет Забелин спешит подчеркнуть народный характер этой истории: Москва выражает «великую народную, а не царскую только идею политического единства». Москва «разви-лась общим земским делом, великим делом народного единства, великим политическим движением народа к сознанию своей исторической цели»⁹¹. История Москвы для Забелина — это именно история быта и культуры. Соответственно в заметках этих лет делается попытка применить и к истории Москвы теорию общественных типов; она найдет свое отражение впоследствии в предисловии к первому тому «Истории Москвы». Однако тема политической истории Москвы снова выдвигает на первое место Москву — «царскую вотчину, вотчинников двор» и в полном противоречии с только что намеченной программой народной истории Москвы выставляется утверждение: «основной смысл истории Москвы есть вотчинность, единодержавие, самодержавие»; «...в старой, древней допетровской Москве ничего другого нельзя было и заметить, как ее царя-хозяина, ее вотчинника»⁹². Это внутреннее противоречие определит в дальнейшем судьбу «Истории Москвы» Забелина.

На данном этапе топографическое и культурно-бытовое изучение истории Москвы нашло свое отражение в работе «Кунцево и Сетунский стан», начатой в 1870 г. и вышедшей отдельным изданием в 1873 г. Отметим, что и здесь еще звучит социальная тема, хотя и в том же бытовом плане: превращение «столицы российского дворянства» в «столицу российского купечества» во второй четверти XIX в.⁹³; противопоставление «русского и мужицкого» как национального начала «образованному барину», который «стал чужим для русской земли и отрицался русского имени»⁹⁴.

Характерная для Забелина этого периода тема «сироты-народа» нашла яркое выражение в его специальной работе «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» (1872 г.). Для Забелина это вместе с тем и национально-патриотическая тема истории России, русского народа. Книга порождена полемикой против Костомарова, его нигилистической оценки национального подвига русского народа, поднявшегося на борьбу за родину, и выдвинутых им вождей, представителей этого народа — Минина и Пожарского. Это попытка показать «сироту-народ» не только с его бытовой стороны, но и как «делателя» истории, пользуясь одним из любимых выражений самого Забелина. В обосновании этого положения он пытался опереться и на общую трактовку русского исторического процесса, конкретизировать взгляд на этого земца-кормителя, как подлинного строителя государственного единства России, противостоящего алчности правящего класса — источника смуты: «Государственное начало земского единства вело с дружинным началом земской розни беспощадную борьбу именно за единодержавие и самодержавие государева лица»; порожденное «служилим кормлением» прикрепление крестьян «послужило одною из важнейших причин к распространению в народе всеобщей смуты»⁹⁵. Однако, у Забелина это буржуазный взгляд на народ, в котором объединяются разные классы и которому в то же время, как и у Соловьева, противопоставлялось казачество, как экономически враждебная ему, анархическая, разбойная сила. Разрешить эти противоречия в новом направлении Забелин не мог.

Национальная тема в культурной истории России нашла тогда же отражение в специальной работе Забелина «Черты самобытности в древнем русском зодчестве» (1878 г.). Работа была направлена против традиционного утверждения византийского или западного влияния в русском искусстве, она в известной мере положила начало плодотворному изучению истории русской национальной архитектуры в связи с народным деревянным зодчеством.

⁹⁰ Там же, стр. 107—108 и 117.

⁹¹ Там же, стр. 140.

⁹² «Опыты...», ч. II, стр. 141—142.

⁹³ Указ. соч., стр. 112.

⁹⁴ Там же, стр. 24.

⁹⁵ Указ. соч., изд. 4-е, М., 1901, стр. 177 и 183.

Попыткой завершающего общего синтеза явилось последнее крупное начинание Забелина в этот период — «История русской жизни с древнейших времен»⁹⁶. В «Автобиографии», написанной в 1886 г. для «Московского иллюстрированного календаря», Забелин писал: «Это сочинение вообще представляет изложение древнейшей русской истории с русской точки зрения, что доставило автору возможность выставить на вид многие такие стороны русской древней культуры, которые вовсе не были заметны в тумане учения о норманском будто бы происхождении древнерусской культуры».

«История русской жизни» по замыслу и по самому ее определению прежде всего — история домашнего быта русского народа. Именно она составляет коренную отличительную особенность забелинской истории России. Она опирается к тому же на большую и длительную археологическую деятельность Забелина (с 1859 по 1875 г.), направленную на изучение истории древнейшего населения нашей страны. Итоги этого изучения составили основу наиболее значительных слоев I-го тома; они определили все культурно-бытовое рассмотрение славяно-русского вопроса во II томе «Истории». Результатом явилось признание древности славянства на территории России — древности, восходящей к скифским временам. Здесь, в частности, встречается первое утверждение о раннем земледельческом характере славянской культуры. Именно здесь лежало коренное решение славяно-русской проблемы в опровержение норманской теории, решение, лишь затемненное рядом произвольных лингвистических построений Забелина, представивших благодарную мишень для нападения противников, так же как и его возврат к теории западнославянского происхождения варягов или неразборчивое включение в состав славянства гуннов и булгар — всего населения наших южных степей. Не меньшее значение имела законченная развернутая характеристика культуры и быта Киевской Руси, включая и материальный, хозяйственный быт, впервые широко представленный в истории, в соответствии с программой, сформулированной Забелиным в его статьях начала 60-х годов. Это не могло не быть отмечено современной критикой, даже таким западником, как Пыпин⁹⁷.

Тем не менее в «Истории русской жизни», именно в силу ее широкого общесинтетического плана, должны были с особенной силой выявиться внутренние противоречия исторических воззрений Забелина, противоречия культурно-бытовой и политической истории, материально-бытовых и идейных, нравственных начал. Уже в первых двух томах главы по культурно-бытовой и политической истории лишь формально сосуществуют, представляя две обособленные самостоятельные линии. Эти внутренние противоречия должны были значительно усилиться в изучении последующего периода, когда на первый план выдвигались вопросы политического объединения Руси, переходившие в историю Московского единогодержавия. Забелин делал попытки перевести эту тему в плоскость нравственного начала народной жизни как его основы (в заметках, в «Миниие и Пожарском»), но в этом абстрактном истолковании противоречия поневоле отступали перед конкретной силой в лице государя-вотчинника. Многочисленные заметки по истории России этого периода в тетрадях Забелина 60—70-х годов, иногда с прямым указанием на III том — очевидно, «Истории русской жизни»⁹⁸ — целиком вращаются вокруг этой темы политической истории России. Не поэтому ли продолжение «Истории русской жизни» так и не появилось? Своим размышлениям и заметкам Забелин подвел итоги в статье 1881 г. «Взгляд на развитие Московского единогодержавия». Новое синтетическое начинание Забелина оборвалось подобно другим.

Последовательные срывы больших обобщающих синтетических начинаний Забелина не могут быть сведены к случайным причинам личного порядка, вроде смены исторических интересов автора или его субъективной непоследовательности. Они коренятся в самих научно-методологических взглядах Забелина. Разрешение больших общесинтетических задач возможно лишь на прочной научной, методологической основе, а ее-то у него и не было. Основное противоречие лежало в самой позитивистской природе воззрений Забелина на общество и его историю (разрыв между материальной жизнью и политической историей, искусственно заполненный утверждением психического момента, духовного, нравственного начала, превращенного в основу исторической жизни). Развитие позитивистских идей необходимо вело к последовательному

⁹⁶ Вышло два тома — до середины XI в. (1876 и 1879 гг.).

⁹⁷ «Вестник Европы», 1876, № 8; «Новые опыты построения русской истории», стр. 678—713.

⁹⁸ Особенного дела № 219, 233, 269, 270.

обнаружению их идеалистической основы. Здесь кроется действительная причина срывов крупных начинаний Забелина. Эти срывы, неудачи означали общий кризис научного мировоззрения и научной деятельности Забелина.

Восьмидесяте годы — начало последнего этапа в научной биографии Забелина. Оставив большие начинания предшествующего периода, Забелин переходит к более ограниченным, конкретным, практическим задачам. С одной стороны, это — практическая работа по собиранию и организации памятников материального быта, практическая работа по строительству Исторического музея в Москве. С другой стороны, в плане научно-исследовательской работы лежит подготовка большой «Истории Москвы», прежде всего мобилизация и публикация обширного документально-исторического материала. В 1881—1891 гг. на средства Московской городской думы Забелин подготовил и издал «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», объемом около 200 печ. листов, материалы, относящиеся в основном к XVII и началу XVIII в., содержащие переписные книги, сведения ревизий, документы по хозяйственной истории Москвы.

Как указал сам Забелин в предисловии к «Истории Москвы», эта публикация грозила непомерно разрастись; материал требовал предварительной обработки, отбора и систематизации. «В ожидании достаточного накопления этих материалов, редактор приступил к изложению самой истории «Города Москвы»⁹⁹.

Автор изложил и программу своего нового труда. В ней вновь звучат мысли его статьи 1867 г. вместе со всеми противоречиями, присущими этим мыслям. В предисловии по-прежнему проводится идея, впервые сформулированная им в записной книжке 1853 г., что вещь важна лишь по своему отношению к человеку, к его жизни: «Историю города сооружали люди, — пишет он, — поэтому о них больше, чем о стенах и разных постройках, должен говорить и историк»¹⁰⁰. Отсюда основной предмет изучения — история Москвы как «совокупность людского общежития». Пути к познанию этих «совокупностей людского общежития» автор также искал, как мы видели, уже издавна. Но так как он искал их во внешних формах материального быта, то они и раскрывались перед ним не в их внутренней связи и внутренних противоречиях, а в их внешней обособленности. Автор еще раз возвращается к своей старой мысли об общественных типах-организмах, возвращается в поисках практической схемы для размещения исторического материала. Городское население и его разделение по характеру землевладения; слободы и сотни — история торгово-промышленного населения Москвы; церковное общество с разными его группами и разной организацией; история московской благотворительности; история самого торгового, ремесленного и мастерства; «история московского зодчества; история просвещения» и т. д. и т. п. причудливо и беспорядочно следуют друг за другом. Автор тщетно пытался вытащить на свет свою же устаревшую и бесплодную схему.

Фактически политическая тема окончательно взяла верх у Забелина, и именно поэтому история Москвы должна была замкнуться на истории Московского единодержавия, представленного историей Московского Кремля, которому и посвящен первый том «Истории Москвы», изданный в 1894 г. В основе повествования оказалось исходное положение 1867 г.: «В старой, древней, допетровской Москве ничего другого нельзя было и заметить, как ее царя-хозяина, ее вотчинника». К царю-вотчиннику примыкало его ближайшее оружие — бояре, патриарх и высшее духовенство. История Кремля слагалась из истории отдельных мест — урочищ, в него входивших. События, связанные с этими историческими местами, сливались в общую ткань политической истории Московского государства, историю Москвы — столицы, объединяясь с «домашним бытом русских царей» и бытовой историей ближайшего дворцового окружения. «История Москвы» оказалась своего рода итогом предшествующих исследований, отразившим зрелую научную работу Забелина.

Эти же внутренние причины исключили возможность реализации второй части труда — истории посада. Она осталась недописанной. Ее часть, сохранившаяся в архиве Забелина в виде черновой рукописи (около 6 авт. л.), заканчивается топографическим складыванием «большой Москвы» в пределах Белого и Земляного города. В отличие от Кремля — княжеской вотчины — речь шла здесь о народном заселении терри-

⁹⁹ И. Забелин. История города Москвы, ч. I, М., 1902 (второе издание в 1905 г.), стр. XIX.

¹⁰⁰ Там же, стр. XX.

тории города, о его «естественном», экономическом становлении и развитии. В связи с этим стоят не лишние интереса фактические наблюдения над историей раннего заселения Москвы и над экономическим развитием Москвы, московского торгового. Однако и здесь внутреннее развитие посада то и дело переплетается с княжескими усадьбами и владениями. Самая схема закрывала путь к проникновению в социальное содержание истории Москвы, которая должна была замкнуться в ее топографическом рассмотрении.

Наступивший кризис научной мысли нашел свое яркое отражение и в рукописном наследии Забелина. Из его дневников исчезли принципиальные научные вопросы, они заменились скудными записями о музейных делах, об осмотре памятников старины.

Изменились и научно-общественные позиции Забелина. Он резко повернул против идейных традиций 60-х годов. Теперь, в начале 90-х годов, Забелин спешил вылить грязь на голову Писарева и «нигилистов». В учении Писарева он видел теперь противоречие личного эгоизма нравственному началу, «проповедь о свободе безграничной одного эгоизма, себялюбия, откуда естественным путем нарождается сомнение, самонадеянность, наглость, нахальство, самоуверенность». «Разнузданность животной природы — вот в чем сущность этой проповеди»¹⁰¹.

Критические замечания в отношении русского самодержавия и правительства исчезли со страниц дневника Забелина. Зато с особым усердием и тщательностью регистрировал он теперь встречи с великими князьями, торжественные приемы, всякие знаки внимания со стороны правительственных лиц.

Можно сделать и еще одно наблюдение: основным источником общественной и политической информации становится в это время для Забелина суворинское «Новое время». В заметках встречаются неоднократные, сочувственные ссылки на материалы этой газеты. Не удивительно, что и общественно-политические взгляды Забелина приобретали всецело «нововременские» черты, роднились нередко с черносотенством. С особой яркостью это сказалось в его заметках по поводу революции 1905—1907 гг. Заметки полны злобных нападок на русскую интеллигенцию: «самое глупое, бездарное политическое существо в России — это российская интеллигенция», «самое вредное животное в России — это адвокатура» и т. д. Теперь Забелин нападает на самодержавие за бездействие (октябрь 1905 г.): «прежде всего забастовало само самодержавие, устранив от себя должные репрессии»; впрочем, и здесь он видит причину в том, что правительство «состоит из той же интеллигенции и потому так глупо и бездарно сопротивляется этому нашествию безумных людей». «Россия на смертном одре», — записывает Забелин в июне 1906 г. Он клеймит лучших представителей русской культуры — Л. Толстого, М. Горького, которые «чего-чего не придумали, чтобы выразить всю гадость русского бытия» и прямо выступает в защиту «черной сотни»¹⁰².

Круг замкнулся. Путь, пройденный историком, завершен. Иван Егорович Забелин умер 31 декабря 1908 г.

В статье «Карьера», написанной по случаю смерти редактора «Нового времени» Суворина, Ленин с предельной четкостью очертил «исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму». «...Начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции, — вот чем начал Суворин в 50—60-х годах прошлого века»; во время второго демократического подъема (конец 70-х годов XIX в.) он «повернул к национализму, к шовинизму, и беспардонному лакейству перед властью имущими». «А теперь, после третьего демократического подъема в России (в начале XX века), сколько еще либералов повернуло по „веховской“ дорожке, к национализму, к шовинизму, к оплевыванию демократии, к подхалимству перед реакцией!»¹⁰³.

Детальное и пристальное рассмотрение пройденного Забелиным пути любопытно не в плане его личной биографии. В его собственном жизненном и научном пути с полнотой и отчетливостью отразился путь буржуазной исторической науки, путь, в конечном итоге определенный общественно-политической и идейной биографией самой русской буржуазии.

¹⁰¹ Фонд Забелина, д. 5, лл. 432—435.

¹⁰² Там же, д. 6, тетрадь 9, лл. 303—318, 343.

¹⁰³ В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 18, стр. 250—251.